

Как только насыпная дорога была закончена, наши люди стали прокладывать гать – но не раньше, потому что король не хотел, чтобы сарацины, которые постоянно выцеливали нас из-за реки, ранили кого-то из тех, кто носил землю.

Чтобы помешать королю, сарацины стали выкапывать глубокие ямы в земле на той стороне, где стояла их армия, и, когда поток затапливал их, образовывались глубокие канавы с водой. Так получилось, что задень они сводили на нет плоды наших трехнедельных трудов: как бы быстро мы со своей стороны ни прокладывали дамбу через протоку, они расширяли эту протоку своими ямами и канавами.

На место султана, который умер от болезни во время осады Хомса, сарацины тут же поставили некоего Сцедедина,¹¹ который был сыном их шейха. Говорилось, что император Фридрих посвятил его в рыцари. Он приказал отряду своих людей напасть на наш лагерь у Дамьетты; те немедленно выступили и подошли к городу Шаримшах, который стоял на протоке у Розетты.

В день Рождества я и мои рыцари обедали у Пьера д'Авалона. Когда мы сидели за столом, сарацины на полном скаку ворвались в наш лагерь и убили нескольких бедняг, которые отправились прогуляться в поле. Мы все выбежали, чтобы успеть вооружиться, но, как бы мы ни спешили, все же не успели вернуться, чтобы примкнуть к нашему хозяину, потому что он уже был за пределами лагеря и вступил в схватку с сарацинами. Мы помчались за ним и успели спасти его от врага, который сбросил его на землю. Мы доставили его обратно в лагерь вместе с его братом дю Валом. Храмовники, которые, услышав сигнал тревоги, вступили в дело, умело и мужественно прикрывали наш отход. Сарацины устремились вслед за нами, едва не ворвавшись в лагерь. Из-за этого король приказал закрыть лагерь со стороны Дамьетты.

Сцедедин, которого я уже называл вождем сарацин, пользовался наибольшим уважением в языческом мире. На своем полосатом знамени он нес цвета герба императора,¹² который даровал ему рыцарство. На другом знамени был герб султана Алеппо, а на третьем – султана Каира. Он был известен как Сцедедин, сын шейха, о котором говорили «почтенный и сын почтенного». Эти слова были символом того престижа, которым он обладал среди сарацин, ибо они принадлежали к тому миру, где с большим уважением относятся к старикам, неизменно считая, что всю жизнь Бог уберегал их от следов бесчестия.

Сцедедин, этот отважный сарацин, хвастался – как сообщили шпионы короля, – что в День святого Себастьяна (20 января) будет обедать в шатре его величества. Услышав это, король подготовил свои силы. Его брату, графу д'Артуа, было поручено охранять проложенную дорогу и машины; сам король и граф д'Анжу – позже он стал королем Сицилии и Неаполя – взялись охранять лагерь со стороны Каира; графу де Пуатье и нам, людям из Шампани, было сказано охранять лагерь со стороны Дамьетты.

Между тем Сцедедин приказал своим воинам переправиться на остров между рукавами Нила у Дамьетты и Розетты, где наша армия стояла лагерем, и выстроил свои силы в линию от одного рукава до другого. Граф д'Анжу атаковал их и обратил в бегство. Многие утонули и в одном рукаве, и в другом, тем не менее осталось так много вражеских воинов, что наши люди не рискнули атаковать их, потому что метательные машины сарацин продолжали засыпать камнями пространство между двумя рукавами.

Во время атаки воинов графа д'Анжу граф Гью де Форэ верхом проложил себе путь сквозь вражеские ряды. Он и его люди сошлись с отрядом вооруженных сарацин, которые повергли его на землю. Он сломал себе ногу, и двум его рыцарям пришлось выносить графа на руках. Граф д'Анжу с большим трудом высвободился из того опасного положения, в которое сам себя поставил, но этот день увенчал его большими почестями. Точно так же сарацины (египтяне и мамлюки, среди последних в это время действительно доминировали турки. – Ред.) выступили против графа де Пуатье и нас, но мы пошли в контратаку и долго преследовали их. Часть их людей были убиты; мы же вернулись без потерь.

В одну из ночей, когда мы несли охрану у сторожевых башен, сарацины выдвинули вперед машину, называвшуюся баллистой, чего они раньше не делали, и стали с ее помощью метать «греческий огонь». Когда добрый рыцарь Готье д'Эсир, стоявший при мне, увидел это, он сказал нам:

¹¹ Фахр-ад-дин, сын визиря покойного султана. На самом деле главнокомандующим его назначила вдова султана.

¹² Фридрих Германский.